

XVIII в., были связаны с изменениями в положении писателя, произошедшими в Петровскую эпоху, когда, по словам А. М. Панченко, фигура «ученого монаха» сменилась «фигурой чиновника».¹³

В течение всего XVIII в. служба считалась делом чести, делом каждого дворянина, независимо, в частности, от того, занимается он или нет литературным трудом: «Неслужащий дворянин формально не нарушал законов империи. Однако его положение в обществе было совершенно особым. Сатирическая литература и публицистика XVIII в. создали традицию отождествления государственной службы и общественного служения. <...>

Правительство также весьма отрицательно смотрело на уклоняющегося от службы и не имеющего никакого чина дворянина».¹⁴ Не случайно Державин, комментируя оду, посвященную Н. А. Львову, явно с трудом подбирает слова для определения его социального положения. В «Примечаниях» Державин пишет: «... сия ода писана <...> в бытность автора при дворе статс-секретарем в 1793 году, когда Львов жил у себя в Новоторжской деревне и упражнялся в сельских занятиях».¹⁵ Комментируя эту же оду в «Объяснениях», Державин вообще обходит вопрос о роде занятий Львова и пишет, что ода посвящена «тайному советнику и кавалеру» Н. А. Львову (III, 636). Точно так же и к строчке «Куда, Мещерский, ты сокрылся» он дает комментарий: «Мещерский, действительный статский советник» (III, 620).

Традиция отождествления службы и служения,¹⁶ преломившись в представлениях о литературном творчестве, способствовала, с одной стороны, появлению представления о поэзии как о деле государственного значения,¹⁷ не менее важном, чем служба, а с другой — появлению представления о литературном труде как

эпохи. М. Н. Муравьев, в юности близкий к Вольному российскому собранию при Московском университете, уже в конце 70-х гг. XVIII в. сокрушался: «Общества в пользу письмен заводимые должны иметь для словесников ту же прелесть, как обыкновенные беседы для людей вообще, и особливо тех, которые наиболее занимаются светом. Единая нужда действует в словеснике и человеке светском, когда они ищут сообщения. <...> Но как наконец все превращается в обряд, из дружеских бесед, которые облегчают сердце и услаждают разум, сделались счетные Посещения» (ГПБ, ф. 499, № 37, л. 25).

¹³ Панченко А. М. Славянские связи и национальные традиции в русской литературе на рубеже XVII—XVIII веков. — В кн.: Славянские литературы. VII Международным съезд славистов. М., 1973, с. 238.

¹⁴ Лотман Ю. М. Роман А. С. Пушкина «Евгений Онегин»: Комментарий, с. 50.

¹⁵ Державин Г. Р. Примечания, вып. 1 (23), с. 88.

¹⁶ Строку «Всяк долгу раб» из оды «На умеренность» Державин комментирует так: «... всякий естественно обязан быть должности своей рабом и <...> он не мечтает с своей стороны ни о каких воздушных замках». (См.: Державин Г. Р. Примечания, вып. 1 (23), с. 85—86). Это свидетельствует, что и Державин отождествлял «долг» и «должность», т. е. службу и общественное служение.

¹⁷ См.: Кулакова Л. И. О спорных вопросах в эстетике Державина. — В кн.: XVIII век. Л., 1969, сб. VIII, с. 25.